

УДК 39+902

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-1/127-137

Научная статья

© Л. М. Ильясов

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЛЕМЕН — НОСИТЕЛЕЙ КОБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ДАННЫХ ПЕТРОГЛИФИКИ

В статье рассматриваются религиозные представления древних племен — носителей кобанской археологической культуры на основе интерпретации семантики древнейших символов, которые нашли отражение в бронзовой пластике и петроглифике той эпохи. Богатейший археологический материал (бытовые поселения, могильники, большое количество статуэток людей и животных, культовых предметов) дает возможность объективной реконструкции духовной культуры населения эпохи поздней бронзы и раннего железа. В работе вводится в научный оборот петроглиф у селения Харкарой, расположенного на юго-востоке Чечни. Его копия была в несколько искаженном виде впервые опубликована В. П. Кобычевым в 1973 г. без пояснений и комментариев. Между тем, петроглиф позволяет значительно расширить представления о духовной культуре кобанских племен. Петроглиф представляет собой сложную сюжетную композицию, основой которой являются две свастики. Свастика трактуется автором как модель мироздания в представлениях населения поздней бронзы и раннего железа. Основываясь на этом, он предлагает свою трактовку религиозных воззрений «кобанцев», более сложных, чем представлялось исследователям до сих пор. Обилие солярных символов в кобанской культуре, по мнению автора, дает возможность предположить, что главным религиозным культом у кобанских племен был культ солнца, так же, как и у более позднего населения Северного Кавказа. Методологической основой исследования является совокупность общеисторических, этнографических и археологических методов исследования, использование которых определяется характером изучаемого материала.

Ключевые слова: кобанская археологическая культура, религия, культы, структура мироздания, петроглифы, амулеты, солярные символы, бронзовые статуэтки, свастика, чеченцы

Ссылка при цитировании: Ильясов Л. М. Религиозные представления племен — носителей кобанской археологической культуры в свете данных петроглифики // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 127–137.

UDC 39+902

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-1/127-137

Original article

© *Lecha Iliasov*

RELIGIOUS IDEAS OF THE KOBAN ARCHAEOLOGICAL CULTURE TRIBES IN THE LIGHT OF PETROGLYPHS

The article examines the religious ideas of the ancient tribes — bearers of the Koban archaeological culture based on the interpretation of the semantics of ancient symbols, reflected in bronze sculpture and petroglyphs of that era. The rich archaeological material (settlements, burial grounds, numerous figurines of people and animals, religious objects) makes it possible to objectively reconstruct the spiritual culture of the population of the Late Bronze and Early Iron Ages of the northern Caucasus. The work presents a petroglyph found near the Kharkaroy village, located in the southeast of Chechnya. A copy of this petroglyph was first published in a somewhat distorted form by V. P. Kobychiev in 1973 without explanation or comment. Its complex plot composition based on two swastikas, allows us to significantly expand the understanding of the spiritual culture of the Koban tribes. The swastika is interpreted by the author as a model of the universe in the beliefs of the population of the Late Bronze and Early Iron Ages. Based on his interpretation of the religious views of the “Koban people,” he argues they are more complex than considered before. The abundance of solar symbols in the Koban culture suggests the central role of the sun cult in the system of beliefs of the Koban tribes, just like in the later population of the North Caucasus. The study is methodologically based on general historical, ethnographic and archaeological methods, adequate for the studied material.

Keywords: *Koban archaeological culture, religion, cults, structure of the universe, petroglyphs, amulets, solar symbols, bronze figurines, swastika, Chechens*

Author info: **Iliasov, Lecha M.** — Ph.D. in Philology, Ph.D. student, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: lechailyasov@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8824-4303>

For citation: Iliasov, L. M. 2024. Religious Ideas of the Koban Archaeological Culture Tribes in the Light of Petroglyphs. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 127–137.

Изучение религиозных традиций древнейшего времени всегда сопряжено с определенными проблемами, так как при отсутствии письменных источников единственной возможностью их объективного исследования является реконструкция на основе обряда и инвентаря погребений, который часто включает в себя ритуальное оружие, орудия труда, культовые статуэтки и амулеты (Козенкова 2001: 12–27). Не менее важно сравнительно-историческое изучение аналогичных археологических материалов предыдущих и последующих эпох при наличии генетических связей между ними (Sagona 2018). Определенную роль в исследованиях древних религиозных традиций может сыграть и сравнительно-типологическое изучение

духовной культуры населения сопредельных районов, которая в силу разных причин является более исследованной.

Петроглифы относятся к особой категории исторических источников, обладающих огромным информационным потенциалом, благодаря универсальности культовой символики не только для разных народов, живших в один временной период, но и для археологических культур, которые разделяют тысячи лет. Их специфика предполагает использование при исследовании данных археологии, этнографии и истории культуры, что предопределяет комплексный подход, а также интерпретацию изображений с привлечением современных материалов, содержащих пережиточные формы, восходящие к древним прототипам.

Все вышесказанное относится и к изучению духовных традиций носителей археологической культуры поздней бронзы и раннего железа Северного Кавказа (т. н. кобанской культуры).

Интерес к археологии Северного Кавказа появляется во второй половине XIX в. в связи с находками древних бронзовых изделий в окрестностях осетинского селения Кобан, а затем и в других районах Северного Кавказа. В трудах П. С. Уваровой, Вс. Ф. Миллера, В. И. Долбежева, А. Бобринского уже наблюдаются попытки найти связь между археологическими материалами (прежде всего петроглифами, бронзовыми и глиняными статуэтками) и религиозными культами древнего населения региона (Долбежев 1885; Миллер 1888.; Уварова 1900; Бобринский 1902).

Для регулярного археологического изучения территории региона в 1935 г. была создана Северокавказская археологическая экспедиция во главе с выдающимся советским археологом Е. И. Крупновым. В 1956 г. эту работу продолжил Горный (Аргунский) отряд Северокавказской археологической экспедиции, результаты деятельности которого были позднее обобщены в статьях и монографиях Е. И. Крупнова, В. И. Марковина, Р. М. Мунчаева, А. Ф. Гольдштейна (А. Голана). В 1966 г. к ним присоединилась В. И. Козенкова, которая многие годы проводила археологические раскопки в различных районах Северного Кавказа и написала ряд монографий по ключевым проблемам кобанской культуры.

Без преувеличения можно сказать, что кобанская культура является на сегодняшний день одной из самых хорошо изученных археологических культур Северного Кавказа. Но, несмотря на это, исследований, посвященных непосредственно религиозным традициям кобанского населения, сравнительно мало.

Одной из первых работ, посвященных хронологии и систематизации кобанских древностей, в которой были подробно рассмотрены и вопросы духовной культуры населения кобанской культурно-исторической общности, является монография Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа» (Крупнов 1960). Изучив инвентарь кобанских погребений и бытовых памятников, ученый пришел к выводу, что население, создавшее культуру поздней бронзы и раннего железа Северного Кавказа, имело представление о «душе», «стране мертвых», «земле предков». Он выделил следующие религиозные культы у носителей кобанской археологической культуры: 1) культ предков; 2) культ мертвых; 3) анимизм; 4) тотемизм; 5) придание магического значения большинству окружающих человека явлений и вещей. Возведение каменных кромлехов вокруг могил, как и курганных насыпей над погребениями, как полагал ученый, свидетельствует о существовании солярного культа, который в этот период получил широкое распространение в

соседних с Северным Кавказом регионах, прежде всего в Закавказье (Кавказской Албании, Иберии) (*Крупнов* 1960: 358–363).

В 2012 г. вышла монография В. В. Кривицкого, в которой исследуются религиозные представления населения Северного Кавказа кобанской эпохи на основе изучения памятников прикладного искусства. Ученый подробно рассматривает многочисленный инвентарь погребений кобанских могильников и приходит к выводу о наличии у племен региона того времени «культы мертвых и культа предков, тотемизма, солярно-астрального культа» (*Кривицкий* 2012: 6).

По мнению В. И. Козенковой, население кобанской культурно-исторической общности представляло образ мира как наличие и господство трех основных сфер всеобщего бытия (древа жизни): Верхнего, Среднего и Нижнего мира. С каждым из этих миров кобанские племена связывали различные символы: птица олицетворяла Верхний мир, олень — Средний, а змея — Нижний, подземный мир и водную стихию. У населения кобанской культурно-исторической общности солярный культ был основным и отражался с помощью специальных символов в виде кругов, крестов, спиралей, свастики. С различными культурами (культом мертвых, анимизмом, тотемизмом) связаны не только многочисленные бронзовые фигурки диких и домашних животных, но и различные символы, запечатленные в бронзе, глине и камне. (*Козенкова* 2017: 14–31).

Свастика является одним из основных сакральных символов в археологической культуре Северного Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа, в материалах которой он встречается в самых разных вариантах (четырёхконечная свастика, трёхконечная, с закругленными, прямоугольными концами, в виде лошадиных и волчьих голов). Древние племена, создавшие ее и населявшие в этот период междуречье Кубани и Сулака, наносили ее на керамику, оружие, женщины носили налобные бляхи с изображением свастики, были широко распространены амулеты в виде свастики, которые позже нашли свое продолжение в материалах аланской археологической культуры.

Свастика так же, как и равносторонний крест, круг, крест в круге является символом Солнца, как Высшего божества у кобанцев. Солярные символы фиксируются в самых разных вариациях на самых разных предметах, в том числе в виде налепов на керамике: свастика на глиняных корчагах из слоя Сержень-Юртовского поселения, крест в круге на биконических корчагах из того же поселения. Как один из символов солнца регулярно встречается в материалах кобанской культуры и ромб (ромб в круге, ромб в прямоугольном обрамлении, ромб с кругом в центре). Узкогорлая корчага с шаровидным туловом из Пседахского могильника была украшена нарезным узором из ромбов с крестами в центре (*Козенкова* 2017: 18), а глиняный горшок из погребения близ села Гой-чу — символом в виде круга в круге, петроглифы в виде ромашки в круге и креста в круге были выявлены автором на камнях циклопической постройки в селении Колхада, в ущелье Ведучи (Чечня).

Солярные символы в виде свастики украшали двувальные нагрудные и налобные бляхи в погребениях Лугового могильника (*Мунчаев* 1963: рис. 12). К культовым предметам относились и глиняные четырехконечные пуговицы из жертвенника Сержень-Юртовского поселения кобанской эпохи, обнаруженные вместе с другими ритуальными предметами (*Козенкова* 2017: 18).

В число ритуальных предметов, на которые наносились солярные символы (свастика, крест, ромб, спираль) входят глиняные штампы — пинтадеры, которые В. И. Козенкова считала специфической принадлежностью восточного варианта кобанской культуры. Однако находки из позднекобанского поселения в Дигорском ущелье Северной Осетии в виде двух глиняных пинтадер и двух каменных литейных форм для отливки пинтадер (Мошинский 2018: 234), дают возможность предположить, что они были распространены если не на всей территории кобанской культурно-исторической общности, то, крайней мере, в ее восточной и западной перифериях. Исследователи отмечают культурную близость этих двух, отдаленных друг от друга, ареалов кобанской культурно-исторической общности, что отражается в сходстве признаков погребального обряда, керамики, стилистики украшений костюма, орнаментации на предметах (Козенкова 1996: 67). На сегодняшний день нет единого мнения по поводу функционального назначения этих предметов (одни считают, что ими наносились татуировки, другие, что они использовались для нанесения символов на ритуальные хлеба или ткани и кожу), но их отношение к сфере культа признается всеми (Крупнов 1960; Мошинский 2018).

Отсутствие пинтадер в похоронном инвентаре кобанцев объясняется тем, что они относились к магическим предметам, оберегавшим род и «передавались из поколения в поколение» (Козенкова 2001: 38).

Кобанская культовая символика во всем своем многообразии представлена на бронзовых предметах (аксессуарах одежды, оружии, ритуальных орудиях труда) в виде орнамента, а также отдельных скульптур и украшений, и, как показали исследования последнего времени, на камнях мегалитических построек кобанской эпохи (Ильясов 2021: 70–71).

Необходимо отметить, что при изучении религиозных традиций кобанских племен исследователи практически не обращались к петроглифам, которые в большом количестве сохранились на территории распространения кобанской культуры (Чечня, Ингушетия, Северная Осетия). Это было связано прежде всего с проблемой датировки петроглифов, которые большей частью нанесены на камни средневековых построек и соответственно хронологически соотносились с ними (Марковин 1980).

Однако некоторые исследователи еще в 60–70-х гг. XX в. обратили внимание на многократное использование камней с символикой (Кобычев 1973; Умаров 1976), а также на типологическое сходство некоторых средневековых петроглифов с культовыми изображениями и бронзовыми статуэтками более древнего времени. В этом отношении, например, стиль изображения оленей в наскальных рисунках в верховьях реки Аргун абсолютно аналогичен бронзовым скульптурам кобанцев, что дает возможность отнести их к I тыс. до н. э. (Смирнова 1979: 134).

Символика кобанской археологической культуры сохранилась в виде отдельных петроглифов и их композиций на камнях так называемых циклопических построек, характерных для этой эпохи. Мегалитические архитектурные сооружения строились в это время практически на всей территории распространения кобанской культуры, но до нашего времени, за редким исключением, они дошли в виде руин. Циклопические сооружения характерны не только для Северного Кавказа, но и Закавказья. Наиболее древние из них датируются исследователями концом II — началом I тыс. до н. э. (Джанберидзе, Цицишвили 1996: 4). Это позволяет связать строительство циклопических построек на территории Северного Кавказа с населением кобанской культурно-исторической общности. Соответственно, к ко-

банской археологической культуре можно отнести и петроглифы на камнях циклопических сооружений, интерпретация которых позволяет значительно расширить наши представления о духовной культуре кобанских племен.

В этом отношении уникальной не только по сюжету, но и по дате создания является композиция из двух свастик на камне в селении Харкарой. Она не только дает возможность новой интерпретации древнего символа как модели мироздания, но и значительно расширить представления о религиозных воззрениях кобанских племен.

Копия этого петроглифа в несколько искаженном виде была впервые опубликована в 1973 г. В. П. Кобычевым (*Кобычев* 1973: 155). В 2012 г. он был вновь выявлен автором и скопирован на полиэтиленовую пленку (*Ильясов* 2014: 204).

Изображение нанесено на огромную сланцевую плиту (1,5 x 0,6 м), которая была встроена в угол жилой постройки XIX в. На камне сохранились следы точечного нанесения рисунка металлическим долотом, который затем был прочерчен по контуру. Порода камня (сланец) предполагает также возможность использования бронзового инструмента.

Огромные размеры камня никак не соотносятся со строительным материалом и архитектурными формами постройки XIX в. Совершенно очевидно вторичное использование камня. Чуть ниже по склону находятся руины циклопической постройки, сооруженной из каменных глыб гигантских размеров. Камень не только подходит к ней по размерам, но и по форме напоминает боковой камень входного проема «циклопической» башни, которая может датироваться I тыс. до н. э. (*Ильясов* 2021: 128).

Удивительные аналогии символика на этом камне обнаруживает с культовыми статуэтками и рисунками на бронзовых изделиях и керамике кобанской археологической культуры. Кроме того, она имеет аналогии и в позднесредневековом прикладном искусстве чеченцев. Прежде всего это касается свастики (*Багаев* 1973: 200). Свастика, наряду с равносторонним крестом и двойной спиралью, является одним из самых распространенных символов в чеченской культуре. Если изображение креста в связи с укреплением ислама в XVIII в. постепенно выходит из употребления, то свастика и двойная спираль сохраняют сакральные функции вплоть до 1944 г. Свастика на средневековых постройках Чечни встречается в самых разных формах и вариациях (левосторонняя, правосторонняя, с закругленными концами, с прямоугольными концами, четырехконечная, трехконечная, т-образная, спиралевидная). Этот символ зафиксирован автором в селениях Хой, Макажой, Харкарой, Талкали, Пакоч, Моцарой, Гурой, Зумс, Джогалдой, Ошни, Хакмадой, Химой (*Ильясов* 2014).

На камне циклопической постройки в селении Харкарой изображена сюжетная композиция с двумя правосторонними свастиками.

На левой стороне камня нарисованы правосторонняя свастика под углом 45 градусов с осью на правой нижней оконечности, ниже — круг в круге и змеевидное изображение слева.

На правой стороне — также правосторонняя свастика, но уже перпендикулярная горизонту. В каждом из четырех углов свастики размещены символы, которые олицетворяют элементы мироздания, согласно воззрениям населения эпохи поздней бронзы и раннего железа.

В левом верхнем углу — птица, в правом верхнем углу — олень, в левом нижнем углу — изображение злака, в правом нижнем углу — изображение человека с копьем, охотящегося на козла.

Изображенная в левом верхнем углу свастики птица с полураскрытыми крыльями была символом Верхнего мира у кобанцев и имела отношение к солярному культу.

Бронзовые статуэтки птиц (уток), идентичные по стилистике найдены в Кобанском могильнике, а также представлены в Собрании древностей из Фаскау и Верхней Рутхи в виде целых скульптур с петлей на спине и в форме поясных пряжек (Козенкова 2017: 25–26).

Изображение птицы в композиции на камне в селении Харкарой, аналогичной по стилю статуэткам западного и центрального варианта кобанской культуры, полностью опровергает тезис о нехарактерности этого мотива для изобразительного искусства восточного варианта археологической культуры поздней бронзы и раннего железа Северного Кавказа (Козенкова 2017: 25). По мнению исследователей, птица часто «является формой солнечного божества», что подтверждается изображениями птиц вместе с солярными дисками (Кривицкий 2012: 14).

Олень, по мнению большинства исследователей кобанской культуры, представлял собой божество Среднего мира и пользовался особым почетом у населения Северного Кавказа (Козенкова 2017: 38). У чеченцев олень был тотемным животным и относился к культу предков. В чеченском языке название оленя «сай», древняя форма «se», связана с такими понятиями как «са» — душа, «саг» — человек, и, возможно, с древним названием чеченцев «сасан». В этом смысле олень у древнего населения Северного Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа больше относился к Верхнему миру, чем к среднему, так как символизировал культ предков. Умершие предки, по представлениям древних людей, являлись посредниками между Божественным миром и миром живых, и в этом смысле, его покровителями.

Человек, охотящийся с копьем на козла, является символом Среднего мира (мира человека и животных), в данном случае имеющим ритуальное значение. В этом смысле свастика должна была обеспечивать не только устойчивость мироздания, но и удачу человеку в охоте и добыче средств к существованию. О культе козла говорят многочисленные бронзовые статуэтки с его изображением в погребальном инвентаре кобанцев (Кривицкий 2012: 32). Кроме того, этот культ был широко распространен и в других районах Северного Кавказа (Мусаев, Мусаева 2012: 44–45).

Символ злака в левом нижнем углу также олицетворяет Средний мир, мир растений и связан с культом плодородия, который был распространен среди племен кобанской культурно-исторической общности, активно занимавшихся земледелием.

Изображение Нижнего мира, который символизирует змея, размещено отдельно, в правом нижнем углу камня, справа от свастики с осью. Змея, по мнению исследователей, представляла подземную и водную стихию и являлась «отрицательным персонажем», по представлениям кобанцев, с которым приходилось считаться, так как она была связана с божествами воды Верхнего мира (Козенкова 2017).

У чеченцев вплоть до конца XX в. сохранялось поверье, что если убитую змею повесить на дерево, то обязательно пойдет дождь (Мадаева 1990: 86).

Нижний мир воспринимался кобанцами как опасный, враждебный, но связанный с Верхним миром и поэтому способный влиять на их жизнь. Его изображали отдельно. Связь между мирами обеспечивал круг в круге. В этом смысле спираль и круг в круге как простейший вариант спирали часто наносились средневековыми чеченцами на камни святилищ, углы жилых башен и фасады склепов (Марковин 1980). В данном случае можно предположить явную функциональную параллель между кру-

гом в круге и спиралью, учитывая, что изображение последней осмысливалось древними людьми как портал для сообщения между различными мирами. Изображение круга в круге как солярный символ довольно часто встречается как на керамике в виде налёпов, так и на металлических изделиях кобанцев.

В правой части камня нарисованы прямоугольники, разделенные косым крестом на четыре треугольника, расположенных один над другим. Два противоположных треугольника (по вертикали и горизонтали) в каждом из них прорисованы по всей поверхности. Очевидно, это календарные символы, обозначающие структуру времени. Время у древних людей было многомерным, как и пространство, что подтверждается и более поздними этнографическими материалами. Например, сутки у средневековых чеченцев делились так же, как и год, на четыре периода, по вертикали и горизонтали. Утро связывалось с добрым началом, с приходом света, солнца, вечер — с духами тьмы. Ночью над миром властвовали темные, злые силы, и поэтому в это время суток запрещалось работать, а также начинать какое-либо серьезное дело (Мадаева 1990:15–16).

Над свастикой в правой части камня изображен символ злака в горизонтальном положении как символ небесной благодати (Голан 1993: 14–15).

Свастика — это символ вечности, вечности мироздания, а вращение ее в левую или правую сторону связано со сжатием и расширением Вселенной (Багдасаров 2005: 34–55). В связи с этим можно вспомнить вайнахский миф о том, что «когда Бог создал Землю и Небо, то земля оказалась в три раза больше неба; тогда Бог сжал землю, и от этого образовались земляные горы. Чтобы укрепить шатавшуюся туда и сюда землю, Бог образовал еще каменные горы» (Далгат 1893: 129). В этом мифе слышны отголоски каких-то древних, смутных знаний о расширении и сжатии Вселенной.

Свастика, согласно семантике этого петроглифа, представляет структуру мироздания, многомерного устройства мира, которое имеет единый источник, Единого Творца, и которое благодаря круговращению, находится в вечном движении и развитии (Уилсон 2008: 17–20).

В. И. Козенкова в своей монографии «Специфика духовного мира кобанских племен» отмечала, что кобанцы представляли структуру мироздания «в виде священного дерева, у которого крона олицетворяла Верхний мир как мир неба; ствол как Средний мир, или мир земли, а корни как Нижний мир, или мир водной стихии» (Козенкова 2017: 14). Подтверждением этому могут служить композиции на гематитовой бусине, переделанной из цилиндрической печати XV–XIV в. до н. э., найденной в Дигории экспедицией П. С. Уваровой в 1882 г. На одной из них изображено дерево с разветвленной кроной, стволом и корнями. Вокруг дерева — олень, горный козел и крылатый сфинкс (Уварова 1900: 324).

В композиции на камне циклопической постройки в чеченском селении Харкарой мы также видим оленя, горного козла и птицу (утку), которая по семантике тождественна крылатому сфинксу (символ Солнца как Верховного Божества) (Козенкова 2017: 28), что является дополнительным аргументом в пользу датировки этого петроглифа эпохой поздней бронзы и раннего железа и принадлежности его кобанской культуре. Но, если в композиции на дигорской бусине модель мироздания изображена в виде мирового дерева с кроной и корнями, то в петроглифе в селении Харкарой структура мироздания представлена в виде свастики, которая обрамляет

Божественный и Земной миры, с одной стороны, как Идея творения, с другой, как защита и покровительство Творца.

Таким образом, на основании сюжетной композиции на камне в селении Харкарой можно предположить, что представление о модели мироздания у кобанских племен было более сложным, чем считалось ранее. Верхний мир, согласно композиции на камне, состоял из двух частей: Божественного мира и мира предков (птица и олень). Средний мир также был двухкомпонентным: мир человека и животных и мир растений (охотник, горный козел и злак). Нижний мир размещается за пределами свастики, так как древние люди считали, что он создан силами, враждебными Творцу и человеку, но так как от водной стихии зависело плодородие их полей, они вынуждены были считаться с ним.

Широкое распространение солярных символов в культуре (духовной, погребальной, бытовой), воплощение Высших сил (Верхнего мира) в образе птицы, обжиг могильных камер, присутствие углей в засыпи могил, кострища рядом с покойником, жертвенники со следами огня свидетельствуют о том, что культ Солнца (и сопровождающий его культ огня) был основным религиозным культом у носителей кобанской культуры. Однако это не препятствовало существованию множества второстепенных культов, что и было отражено древним художником в композиции на камне циклопической постройки в селении Харкарой.

Источники и материалы

- Бобринский* 1902 — *Бобринский А. А.* О некоторых символических знаках, общей первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии // Труды Ярославского областного съезда. М., 1902. С. 66–76.
- Далгат* 1893 — *Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев. Владикавказ, 1893. 132 с.
- Долбежеев* 1885 — *Долбежеев В. И.* Об орнаментах и формах бронз, находимых в доисторическом кладбище близ сел. Уолла-Кобан (Терской области). Владикавказ, 1885. 27 с.
- Миллер* 1888 — *Миллер В. Ф.* Терская область. Археологические экскурсии Всеv. Миллера. Материалы археологической комиссии. М., 1888. Вып. 1. 135 с.
- Уварова* 1900 — *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1900. 135 с.

Научная литература

- Багаев М. Х.* Раннесредневековые птицевидные бляхи из Дайского могильника // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред. Р. М. Мунчаев и В. И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 200–205.
- Баддасаров Р.* Мистика огненного креста. М.: Вече, 2005. 400 с.
- Голан А.* Миф и символ. СПб.: Русслит, 1993. 375 с.
- Джанберидзе Н., Цицивили И.* Архитектурные памятники Грузии. М.: Стройиздат, 1996. 376 с.
- Ильясов Л. М.* Петроглифы Чечни. Грозный: Издательство Чеченского университета, 2014. 315 с.
- Ильясов Л. М.* Тени вечности: чеченцы: материальная культура, история, духовные традиции. М.: ИЭА РАН, 2021. 456 с.
- Кобычев В. П.* Язык есть нем // Советская этнография. 1973. № 4. С. 149–159.
- Козенкова В. И.* Культурно–исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: б./и. [Институт археологии РАН], 1996. 162 с.
- Козенкова В. И.* Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. 198 с.

- Козенкова В. И. Специфика духовного мира кобанских племен. М.: Институт археологии РАН, 2017. 114 с.
- Кривицкий В. В. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства. СПб.: Полторак, 2012. 88 с.
- Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960. 518 с.
- Мадаева З. А. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный: «Книга», 1990. 89 с.
- Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1980. С. 184–271.
- Мошинский А. П. Кобанские пинтадеры V–IV в. до н.э. из поселения Сауар в горной Дигории // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 234–236.
- Мунчаев Р. М. Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1963. С. 139–211.
- Мусаев Т. А., Мусаева Н. Ф. Семантика культовых изображений в древней и средневековой культуре горного Дагестана. Махачкала: Aleph, 2012. 183 с.
- Смирнова Г. Р. Кобанские аналогии некоторых петроглифов Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Отв. ред. В. Б. Виноградов. Грозный: Изд-во Чечено-Ингушского государственного университета, 1979. С. 131–135.
- Уилсон Т. История свастики с древнейших времен до наших дней. Нижний Новгород: изд-во «Книга», 2008. 528 с.
- Умаров С. Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1976. С. 160–193.
- Sagona A. G. The Archaeology of the Caucasus: From the Earliest Settlements to the Iron Age. New York: Cambridge University Press, 2018. 541 p.

References

- Bagaev, M. H. 1973. Rannesrednevekovye pticevidnye blyahi iz Dajskogo mogil'nika [Early Medieval Bird-Shaped Plaques from the Dai Burial Ground]. In *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti* [Caucasus and Eastern Europe in Antiquity], ed. by R. M. Munchaev and V. I. Markovin. Moscow: Nauka. P. 200–205.
- Bagdasarov, R. 2005. *Mistika ognennogo kresta* [Mysticism of the Fiery Cross]. Moscow: Veche. 400 p.
- Dzhanberidze, N. and I. Tsitsishvili. 1996. *Arkhitekturnye pamiatniki Gruzii* [Architectural Monuments of Georgia]. Moscow: Stroiizdat. 376 p.
- Golan, A. 1993. *Mif i simvol* [Myth and Symbol]. Saint Petersburg: Russlit Publ. 375 p.
- Iliasov, L. 2014. *Petroglify Chechni* [Petroglyphs of Chechnya]. Grozny: Izdatel'stvo Chechenskogo universiteta. 315 p.
- Iliasov, L. M. 2021. *Teni vechnosti. Chechentsy: material'naia kul'tura, istoriia, dukhovnye traditsii* [Shadows of Eternity: Chechens: Material Culture, History, Spiritual Traditions]. Moscow: IEA RAN. 456 p.
- Kobychev, V. P. 1973. Iazyk est' nem [The language is Dumb]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 149–159.
- Kozenkova, V. I. 1996. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniia i razvitiia kobanskoii kul'tury)* [Cultural and Historical Processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age (Nodal Problems of the Origin and Development of the Koban Culture)]. Moscow: Nauka. 162 p.
- Kozenkova, V. I. 2001. *Poselok-ubezhishche kobanskoii kul'tury u aula Serzhen'-Iurt v Chechne kak istoricheskii istochnik (Severnyi Kavkaz)* [The Settlement-Refuge of the Koban Culture Near

- the Village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a Historical Source (North Caucasus)]. Moscow: Nauka. 198 p.
- Kozenkova, V. I. 2017. *Specifika duhovnogo mira kobanskih plemen* [Specificity of the Spiritual World of the Koban Tribes]. Moscow: Nauka. 114 p.
- Krivitskii, V. I. 2012. *Religioznye predstavleniia naseleniia Severnogo Kavkaza v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleza po pamiatnikam prikladnogo iskusstva* [Religious Representations of the Population of the North Caucasus in the Late Bronze Age and Early Iron Age on the Monuments of Applied Arts]. Saint Petersburg: Poltorak. 85 p.
- Krupnov, E. I. 1960. *Drevniiia istoriia Severnogo Kavkaza* [Ancient History of the North Caucasus]. Moscow: Nauka. 518 p.
- Madaeva, Z. A. 1990. *Narodnye kalendarnye prazdniki vainakhov* [Folk Calendar Holidays of the Vainakhs]. Grozny: "Kniga". 89 p.
- Markovin, V. I. 1980. *Pamiatniki zodchestva v gornoi Chechne (po materialam issledovaniia 1957 — 1965 gg.)* [Architectural Monuments in Mountainous Chechnya (Based on Research Data Collected in 1957 to 1965)]. In *Severnyi Kavkaz v drevnosti i v srednie veka* [The North Caucasus in Antiquity and the Middle Ages], ed. by V. I. Markovin. Moscow: Nauka. P. 184–271.
- Moshinskii, A. P. 2018. *Kobanskie pintadery V–VI v. do n.e. iz poseleniia Sauar v gornoi Digorii* [Koban Pintaders V–VI c. BC from the Settlement of Sauar in the Mountainous Digoria]. In *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX "Krupnovskie chteniia". Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Karachaevsk, 22–29 apreliia 2018 g.* [Caucasus in the System of Cultural Ties of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. 30th "Krupnov Readings". The Proceedings of the International Scientific Conference. Karachaevsk, April 22–29, 2018], ed. by U. Yu. Kochkarov. Karachaevsk. P. 234–236.
- Munchaev, R. M. 1963. *Lugovoi mogil'nik (Issledovaniia 1956–1957 gg.)* [Lugovoi Burial Ground (Studies 1956–1957)] In *Drevnosti Checheno-Ingushetii* [Antiquities of Chechen-Ingushetia], ed. by E. I. Krupnov. Moscow: Nauka. P. 139–211.
- Musaev, T. A. and N. F. Musaeva. 2012. *Semantika kul'tovykh izobrazhenii v drevnei i srednevekovoi kul'ture gornogo Dagestana* [Semantics of Cult Images in the Ancient and Medieval Culture of Mountainous Dagestan]. Makhachkala: Aleph. 183 p.
- Sagona, A. G. 2018. *The Archaeology of the Caucasus: From the Earliest Settlements to the Iron Age*. New York: Cambridge University Press. 541 p.
- Smirnova, G. R. 1979. *Kobanskie analogii nekotorykh petroglifov Checheno-Ingushetii* [Koban Analogies of Some Petroglyphs of Checheno-Ingushetia]. In *Arkheologiia i voprosy etnicheskoi istorii Severnogo Kavkaza* [Archeology and Issues Related to the Ethnic History of the North Caucasus], ed. by V. B. Vinogradov. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 131–135.
- Umarov, S. Ts. 1976. *O poseleniakh i nekotorykh osobennostiakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia gornoi Checheno-Ingushetii epokhi pozdnego srednevekov'ia* [On Settlements and Some Features of the Socio-Economic Development of Mountainous Checheno-Ingushetia of the Late Middle Ages] In *Arkheologo-etnograficheskii sbornik* [Archaeological and Ethnographic Collection], ed. by V. B. Vinogradov. Vol. III. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 160–193.
- Wilson, T. 2008. *Istoriia svastiki s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The History of the Swastika from Ancient Times to the Present Day]. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo "Kniga". 528 p.